

A young girl with two braids, wearing a white dress, stands between two birch trees. She is looking out over a calm lake towards a dark, stormy sky. A bright lightning bolt strikes the water in the distance. The scene is captured in a cinematic, slightly desaturated style with soft lighting.

Марина Федагина

Истоки

Марина Федагина
Истоки
Серия «Анна», книга 2

<https://litres.ru/73783624>

SelfPub; 2026

Аннотация

Иногда корни уходят глубже, чем мы готовы признать.

Берёзы учили её слушать без слов.

Озеро звало в глубину и она боялась утонуть.

Гроза очищала и она ждала молнии как ответа.

Старец сказал «терпи» и она не поняла, зачем.

В этой книге Анна впервые остаётся наедине со своей болью.

Вторая книга трилогии «Анна». Первая - "Некого ждать".

Содержание

Глава 1. Стёклышки	4
Глава 2. Берёза	9
Глава 3. Озеро	14
Глава 4. Гроза	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Марина Федагина

Истоки

Глава 1. Стёклышки

Петербург, 1971 год.

Аннушка жила в трехкомнатной квартире на Васильевском проспекте. Отец постоянно пропадал на заводе. Мать работала там же бухгалтером. Они любили друг друга еще со школьной скамьи.

Аннушка была первым ребёнком. Они заботились о ней — кормили, одевали, водили в цирк. Перед сном мама читала книжку. Папа покупал игрушки. Особенно она любила куклу с настоящими волосами и посудку для неё.

Но Анна чувствовала одиночество. Она любила сидеть у окна и смотреть на Неву. Она ждала. Чего — сама не знала.

Однажды бабушка привезла ей необычный подарок из деревни. Это была большая коробка из-под конфет, перетянутая лентой.

— Открой, — сказала она внучке.

Анна удивилась тому, как это было сказано. Глаза бабушки смеялись.

Она открыла коробку и захлопала в ладоши от радости. Внутри переливались осколки стекла. Разноцветные - синие,

как небо над озером, зелёные, как лес за деревней. Красные, как закат над рекой, жёлтые, как солнце сквозь берёзовую листву.

— Где взяла? — спросила мать.

— Разбилась ваза у соседки. Я собрала. Девочки любят играть со стеклышками.

Отец усмехнулся:

— Игрушки из мусора. Ну, бабуля...

Но Анна уже не слушала. Она высыпала осколки на подоконник. Разложила по цветам. Взяла синий кусочек и приложила к глазу.

И увидела мир, где всё светится изнутри. Где нет теней, а только свет. Где время течёт медленнее. Где кто-то зовёт её по имени.

Она опустила стеклышко. Вздохнула.

— Что видишь? — спросила бабушка тихо.

— Дом, — ответила Анна. — Мой дом.

Бабушка перекрестилась. Не сказала ничего.

С тех пор стеклышки стали её тайной. Она прятала их в коробку из-под спичек. Носила в кармане. Доставала, когда оставалась одна.

Смотрела через синее стекло и чувствовала покой, как у озера. Через зелёное стёклышко она слышала шёпот леса. Через красное — ощущала тепло, как от костра. Через жёлтое стёклышко — видела свет, как от солнышка.

***

Однажды отец принёс ей детскую подзорную трубу с пластиковыми линзами.

— Смотри на корабли, — сказал.

Она посмотрела. Внутри красные, синие, зелёные стекляннeе кусочки складывались в узор.

И в тот миг вспомнила как жила среди света без тела, без имени, без боли. Там все были едины. Там не было одиночества.

Она отложила трубу. Заплакала.

— Что случилось? — испугалась мать.

— Ничего, — сказала Анна. — Просто... мне там лучше.

Мать переглянулась с отцом. Отец пожал плечами:

— Фантазёрка. Как всегда.

***

В школе ей дали кличку Каркуша за её предсказания.

Началось всё с того, что она сказала Тане: «Завтра у тебя собака щенка принесёт». Наутро появился щенок. Таня удивилась.

Потом Серёжа упал с дерева. Анна за два дня до этого сказала: «Серёжа, не лезь на яблоню». Он полез и упал, сломав руку.

На уроке труда: «Маша, иголку не бери в рот». Маша засмеялась. Через час скорая стояла у крыльца школы, иголка в желудке.

Дети стали сторониться.

— Каркуша, — шептали за спиной. — Сейчас накаркает.

Учительница вызвала родителей:

— Девочка странная. Говорит вещи... непонятные.

Отец ответил коротко:

— Воображение. Перерастёт.

Но по дороге домой взял Анну за руку и наклонился к её лицу.

— Не говори им ничего, — сказал тихо. — Поняла? Молчи.

Она кивнула. И впервые почувствовала, что отец боится за неё. Это было ближе к любви, чем всё остальное. Но не любовь.

Однажды Лена, сестра, которой тогда было год, упала с дивана. Ударилась головой. Заплакала.

Мать и отец бросились к ней. Оба склонились над малышкой, пытались успокоить.

Анна стояла в углу наблюдала за случившимся. И вдруг почувствовала боль Лены, как будто ударили её.

Она подошла и положила ладонь на лоб сестры. Боль ушла. Лена перестала плакать и улыбнулась Анне.

Отец посмотрел на неё. Не сказал «спасибо». Не обнял. Просто кивнул. Но в его глазах мелькнуло что-то похожее на удивление. И впервые Анна подумала: *может, он меня видит.*

Вечером она достала коробку со стеклышками. Разложила на подоконнике. Посмотрела через синее стекло на Неву. И вдруг поняла: она не отсюда.

Её дом за цветным стеклом. Там, где нет одиночества. Где кто-то ждал её и ждёт до сих пор. Она не знала тогда кто это.

Не знала, что через двадцать четыре года она увидит его голубые глаза, как это стеклышко, и узнает тот дом.

Не знала, что он станет для неё тем, кем не смог быть отец. Не знала, что любовь, которую она искала, придёт к ней в чёрной ризе и скажет одно слово:

«Терпи, дочь моя».

Но в тот вечер, глядя через синее стеклышко на серую Неву, шестилетняя Анна прошептала:

— Я найду тебя.

И где-то далеко за цветным светом Кто-то улыбнулся.

Глава 2. Берёза

В пятницу вечером Аня с родителями подъезжали к деревне Васильево. Она сидела сзади, прижимая к груди пакет с пряниками, конфетами «Мишка на Севере» и апельсинами. Сумка с её вещами лежала в багажнике. Каждое лето она проводила в деревне с бабушкой.

Мать обернулась:

— Бабушка ждёт. Веди себя хорошо. Мы будем приезжать по выходным.

Отец молча вёл машину. Иногда бросал взгляд в зеркало.

Бабушкин дом стоял на краю деревни. Он был деревянный с резными наличниками и палисадником, где цвели ромашки и ноготки. За домом росли две высокие берёзы, стройные, с белыми стволами и серёжками, что трепетали даже без ветра.

В эту пятницу Анна подбежала к первой берёзе ещё до того, как отец выключил двигатель.

Положила ладонь на кору. Она была тёплая. Тепло шло изнутри. Как будто дерево дышало. Она прижалась щекой к стволу. Закрыла глаза и почувствовала как тепло входит в неё через кожу, растекается по телу, наполняет грудь.

— Ты меня ждала? — прошептала она.

Листва зашелестела.

— Я тоже, — сказала Анна.

Она не удивилась. Не испугалась. Просто знала, что так бывает. Деревья говорят.

Бабушка вышла на крыльцо с полотенцем в руках.

— Аннушка! Руки помой, щи есть будем!

Анна не двинулась. Стояла у берёзы, прижавшись лбом к коре.

И слышала сквозь шелест:

Иди. Мы будем ждать тебя завтра.

Она отступила. Посмотрела на дерево. Берёза стояла немая, как всегда. Но Анна *знала*: это не было воображение.

— Иду, — сказала она дереву. И пошла к дому.

Бабушка встретила у крыльца:

— Чем там занималась?

— С берёзой разговаривала.

Бабушка не рассмеялась. Не сказала «фантазёрка». Просто кивнула:

— Берёза добрая. Она тебя не обидит.

И добавила тихо, почти шёпотом:

— Только соснам не доверяй. Они другие.

Рано утром в субботу бабушка собралась за грибами.

— Пойдём со мной? — спросила Анну.

Девочка кивнула. Она любила гулять по лесу среди деревьев.

Они шли по тропе. Бабушка впереди, с корзиной. Анна шла следом, считая шаги. На опушке бабушка остановилась:

— Тут собирать буду. Ты не уходи далеко.

Анна кивнула.

Перед ней стояли высокие сосны с корой как чешуя. Между ними, в просветах плясал солнечный свет.

Она шагнула внутрь и засмеялась. Сосны окружили её. Ветки покачивались в такт её смеху. Она прыгала между стволов, касалась коры, кружилась и чувствовала: они играют с ней. Не молчат, как берёзы. Поют. Тихо, на своём языке, но она слышала.

Аня села на мох. Прислонилась к сосне и закрыла глаза. И вдруг пение птиц прекратилось, наступила полная тишина.

Она открыла глаза.

Между деревьями мелькнула тень. И в этой тени вспыхнули красные глаза. Она не вскрикнула. Не побежала. Просто поняла: туда нельзя.

Встала и пошла, не оглядываясь, обратно к опушке.

Бабушка ждала у тропы. Посмотрела на неё и ничего не спросила. Просто взяла за руку:

— Пора домой.

Вечером, лёжа в постели под ватным одеялом, Анна думала о лесе. О берёзах — тёплых, как мать. О соснах — живых, как друзья. О тени с красными глазами.

И подумала: мир не един. Есть светлый. Есть тёмный. И между ними — узкая тропа. По ней можно идти, если знать направление.

Осенью она вернулась в город. Всё как прежде.

Но ночью в комнате что то изменилось. Она лежала в кро-

вати. Свет выключили. И тогда они появлялись. Красные глаза. В углу комнаты. Светящиеся. Смотрят и чего то ждут.

Аня спряталась под одеялом. Зажмурила глаза и зашептала:

— Уйдите. Я не боюсь.

Но боялась. Никому не сказала. Ни матери, ни отцу, ни бабушке. Понимала: это её битва. Её тайна. Как разговоры с деревьями.

Она научилась молчать. Держать внутри. Говорить без слов.

Много лет спустя, стоя в храме у правой стены, она поднимет глаза и встретит его взгляд.

Он за аналоем, в чёрной ризе. Она в сером платке. Между ними десять шагов. Толпа прихожан. Дым ладана.

Они не скажут ни слова. Но *узнают* друг друга. Как узнают родной голос в темноте.

И Максим, стоя рядом, вдруг обернётся и скажет тихо:

— Вы досмотритесь друг на друга.

Анна не ответит. Потому что будет слушать — не ушами, а душой. И слышать то, чего не слышал никто:

Я ждал тебя.

Я тоже.

Это будет их язык. Язык без слов. Язык, который она выучила в семь лет у белых берёз, в шелесте листвы, в тепле коры.

Тогда она не знала кого ждёт. Но деревья знали. И шепта-

ли ей каждое утро:

Он придёт. Подожди.

Глава 3. Озеро

Озеро лежало за лесом. Чтобы дойти до него, нужно пройти через сосновый бор, перейти ручей по гнилому бревну, спуститься по косогору, заросшему крапивой. Бабушка говорила:

— Туда не ходи. Озеро глубокое. Дно илистое. Утонешь, никто не услышит.

Но Анна ходила. Каждую субботу после обеда, когда бабушка дремала на лавке под окном, она уходила. Просто вставала из-за стола и шла к двери.

— Куда? — спрашивала бабушка, не открывая глаз.

— К берёзам.

Бабушка кивала. Знала, что не к берёзам. Но не спорила. Как будто понимала: девочка идёт туда, куда должна.

Озеро было чёрным. У берега росли кувшинки, чьи листья лежали на поверхности, как ладони, обращённые вверх. Но в центре — чёрная бездна. Ни отражения неба. Ни солнечных зайчиков. Просто тьма.

Анна садилась на камень у самой кромки. Снимала босоножки. Опускала ноги в воду. Холод обжигал. Как будто вода всасывала тепло из тела. Но она не вынимала ноги. Сидела. Смотрела вглубь.

И видела движение. Там, внизу кто-то был. Не человек. Не зверь. Озеро медленно и глубоко дышало. И с каждым

вдохом звало её.

Иди, — шептало без слов. — *Иди ко мне*.

Она наклонялась. Вода подступала к коленям. К бёдрам. Сердце колотилось от *желания*. Хотелось лечь. Раскинуть руки. Погрузиться в эту чёрную тишину. Раствориться. Перестать быть Анной. Стать водой.

Ноги сами тянулись вперёд. Один шаг. Второй. Вода до пояса. Холод сжимал грудь. Лёгкие отказывались дышать.

Ещё, — шептало озеро. — *Ещё немного*.

И тогда появлялся страх. Страх смерти. Чистый, животный. Как будто тело вспомнило: ты должна жить. Ты не имеешь права уйти.

Она отступала. Выходила на берег. Падала на траву. Задышалась. Плакала без слёз.

Почему? — спрашивала себя. — *Почему я хочу туда?*

Однажды бабушка нашла её у озера. Не кричала. Не ругала. Просто села рядом на тот же камень. Посмотрела в чёрную воду.

— Знаешь, что говорят старые люди? — спросила тихо.

Анна молчала.

— Вода, как жизнь. Может напоить. Может утопить. Зависит не от воды. От того, как к ней подойдёшь.

— А что там, на дне? — спросила Анна.

Бабушка долго молчала. Потом:

— Кто-то. Или ничего. Но если ты *чувствуешь*, что там кто-то ... значит, он есть. Для тебя.

— Он зовёт меня.

— Зовёт. Но не все зовы к добру. Некоторые зовут, чтобы забрать.

— А как понять?

— Сердцем. Если после зова остаётся тепло — иди. Если холод — беги.

Анна посмотрела на воду. Вода молчала. Но тяга осталась.

— Я боюсь, — прошептала она.

— Бойся, — сказала бабушка. — Страх не слабость. Страх умнее смелости.

Она больше не подходила к кромке.

Сидела на камне на расстоянии вытянутой руки. Смотрела в глубину. Слушала зов. Но не поддавалась. И поняла: вода двойственна.

***

Утром, когда солнце касалось поверхности, вода давала силу. Анна сидела часами — и чувствовала, как тревоги уходят, как тело становится лёгким, как будто её тоже несут волны.

Вечером, когда тени удлинялись, вода становилась врагом. Холодной. Жадной. Готовой проглотить и не выпустить.

Так и любовь, — подумала она однажды. — Может согреть. Может утопить. Зависит не от любви. От того, как к ней подойдёшь.

Ей было восемь. Она ещё не знала, что это пророчество.

Много лет спустя, в пятьдесят лет, её поведут на регрес-

сивный гипноз.

Лежа с закрытыми глазами, она увидит: скала над океаном. Ветер в волосах. Мужчина у края обрыва. Его лицо не видно, но она *знает*: это он. Отец Сергей, но без рясы. Он протягивает руку.

— Иди, — говорит. — Мы вместе.

Она делает шаг. Ещё один. И бросается в пучину. Как будто вода — дом.

Когда она откроет глаза в кабинете гипнолога, тот скажет: — Ваш страх глубины и высоты отсюда. Вы умерли в воде. Добровольно.

Она не ответит. Потому что *знает*: не умерла. Вернулась. Чтобы пройти тот путь снова, но иначе. Не броситься. Пройти *рядом*. Не раствориться. Остаться *собой*.

***

А тогда, в восемь лет, она просто вставала с камня и шла домой. К берёзам. Они ждали её — белые, стройные, с ветвями, протянутыми навстречу. Она обнимала ствол. Прижималась щекой к коре.

Ты не одна, — шелестела листва. — Мы с тобой.

И она верила. Потому что берёзы не звали её в бездну. Они *держали* её.

Как много лет спустя он будет держать её душу, не притягивая к себе, не растворяя в себе. А давая ей *остаться* собой до конца.

Глава 4. Гроза

За два часа до грозы Анна *чувствовала* её всем своим телом. Вставала с кровати — беспокойная, как кошка перед дождём. Бегала по дому из угла в угол. Бабушка качала головой:

— Гроза будет. Ветер с юга.

Анна не отвечала. Она *знала*. В груди прилив энергии, как будто кто-то включил свет внутри. Сердце билось чаще. Руки дрожали. Хотелось выйти. Встать под открытое небо. Подставить лицо первым каплям.

Это было *ожидание*. Как будто гроза несёт ей что-то. Кто-то. И она должна быть готова.

В тот день ей было девять. Утро выдалось душным. Солнце палило сквозь марево над полями. Бабушка варила малиновое варенье — густое, с пеной на краях кастрюли. Анна сидела на лавке и считала минуты.

К полудню небо резко потемнело. Холодный ветер ворвался в окно. Бабушка перекрестилась:

— Свят, свят, свят...

Анна вскочила.

— Куда? — окликнула бабушка.

— На улицу.

— С ума сошла? Сейчас молния ударит!

Но Анна уже бежала босиком через сени. Выскочила на

крыльцо.

Мир изменился. Небо чёрное, с фиолетовыми прожилками. Тучи надвигались, как горы. Ветер рвал бельё с верёвки, гнул берёзы до земли. Первая капля упала ей на лоб — крупная, тёплая.

Она стояла на крыльце. Смотрела вверх. И ждала.

Гром ударил над лесом. Прямо над головой прошёл раскат, от которого задрожали стёкла в окнах. Анна не вздрогнула. Не закрыла уши. Подняла лицо к небу.

И крикнула:

— Бога нет!

Слова хриплые от волнения прорезали гул грозы.

— Если Он есть, пусть убьёт меня сейчас!

Второй раскат. Ближе. Молния вспыхнула над соснами. Анна не отступила. Стояла и кричала в чёрное небо:

— Убей! Убей меня! Если ты есть — докажи!

Бабушка выскочила из дома. Схватила её за плечи. Тряхнула не больно, но крепко.

— Молчи, глупая! — закричала сквозь гром. — Молчи, пока не поздно!

Анна замолчала. Смотрела на бабушку широко раскрытыми глазами.

Бабушка опустилась на колени, прямо на мокрые доски крыльца. Схватила внучку за руки. И заговорила быстро, шёпотом, сквозь зубы:

— Молю тебя, Господи... Прости глупость девичью... Не

ведает, что творит... Прости ей, Господи, прости...

Слёзы текли по её щекам, смешивались с дождём. Она целовала руки Анны. Крестила лоб. Шептала молитвы не книжные, а из сердца.

Анна стояла и чувствовала Присутствие. Там за тучами — Кто-то. Не злой. Не добрый. Просто видящий. Как будто небо раскрылось на миг, и Она увидела: Тот, Кто стоит за всем этим — за грозой, за молнией, за её криком — смотрит на неё.

Я вижу тебя, — говорила тишина между раскатами. — Я всегда видел.

Она не испугалась. Она узнала. Как узнают родной голос в темноте. Как узнают дом после долгой дороги. Это было не верой. Не надеждой. Это было *памятью*. Как будто она жила там, за тучами, до того как родилась.

Молния не ударила. Гром стих. Дождь пошёл ровный, спокойный. Как будто гроза сказала всё, что хотела.

Бабушка встала. Взяла Анну за руку. Повела в дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.